

в XIV в. апокалиптический народ, ложно именующий себя иудеями, «опознать» в турках.

А что у турок была в то время тенденция к идеологическому сближению с иноверцами, показывает, во-первых, сам факт организации эмиром «беседования» авторитетных представителей трех вероисповеданий и, во-вторых, кое-что в его содержании. Так, турки удивительно легко дают византийскому богослову убедить себя в троичности единого божества; они не возражают против утверждения о наличии у человека свободы воли; а под конец они от имени Урхана говорят Паламе: «Повелитель приказывает спросить тебя: почему мы принимаем Христа и любим его и почитаем, и считаем, что он есть сын и дыхание бога, и мать его считаем близкой к богу, а вы нашего пророка не принимаете и не любите?»

Создается впечатление, что религиозную политику эмира Урхана вдохновляла утопическая мечта о создании на основе мусульманства синкретического «турецкого» религиозного культа, в который влились бы христианство и иудаизм, — объединенного культа Магомета, Моисея и Христа. Причем эта мечта вполне могла сопровождаться, или даже скорее порождаться, насыщенной практической задачей найти способ адаптации «в турки» многочисленного покоренного населения. Идя, я думаю, навстречу именно этому стремлению эмира, «хионе» и называют себя турками.

Несомненно, что вступление в столь тесно примыкавшую к туркам еврейскую общину, буде оно для грека или славянина возможно, отвечало бы, с одной стороны, в какой-то мере задачам турецкой интеграции, а с другой — материальным и правовым интересам самого прозелита, может быть даже в большей степени, чем обращение в мусульманство.

Все это говорит в пользу мысли И. Мейендорфа о «хионах» как о людях, перешедших из христианства в иудаизм. Однако же целый ряд данных, к которым мы сейчас обратимся, показывает, что правоверными раввинистическими иудеями-талмудистами жидовствующие XIV в. не были.

Подвергнув тщательному анализу акт 1336 г., Б. Мелиоранский сделал важные выводы о солунских жидовствующих. «Хионий», пишет Б. Мелиоранский, будучи опрошен «относительно своих единомышленников, дважды — на епархиальном и потом на патриаршем суде — указал, между прочим, на трех важнейших церковных чиновников солунской митрополии». Он указал на них, как выяснилось, несправедливо, с целью доставить им неприятные хлопоты. Но «что он указал на них именно как на единомышленников, это не подлежит сомнению» (анализируя текст документа, ученый это ясно показывает). А раз так, значит то, что «хионий» приписывал другим людям, должно было в глазах судей выглядеть как несомненные свойства жидовства. «Итак, — обобщает Б. Мелиоранский, — ... мы знаем о солунских жидовствующих, что они 1) занимались чародейством и обвинялись в сношениях с нечистой силой; 2) хвалили закон Моисеев и нападали на чрезмерное почитание святых и мощей в ущерб почитанию бога; 3) не верили в воскресение тел». (Исследователь делает примечание: «Это не значит, что они не верили в бессмертие души и воздаяние за гробом».²⁴)

Со вторым умозаключением Б. Мелиоранского ясно перекликается то место «беседования», где Паламе задают вопрос: «Почему вы в церквах ваших ставите много образов и поклоняетесь им, тогда как бог написал и Моисею сказал: Не сотвориши всякого подобия. . .»

²⁴ Б. Мелиоранский. К истории. . ., стр. 70—71.